

Алан Джон Рамм

**Смерть
бредёт по Марсу**

2026

Алан Джон Рамм

**СМЕРТЬ
БРЕДЁТ ПО МАРСУ**

Паровая типолитографія А. А. Лапудева

Москва

Георгиевскій переулокъ, домъ 19

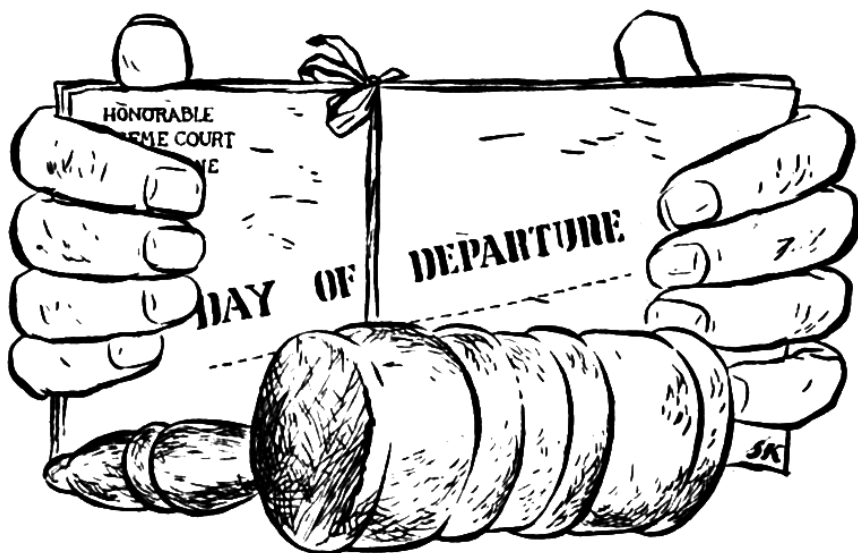
2026

Алан Джон Рамм 1914–1985

Алан Джон Рамм. Смерть бредёт по Марсу. — Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2026 — 38 стр., илл.

Все обнаруженные рассказы американского фантаста.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

День Отправки

Судья Надиен поднялся по ступеням, чтобы занять своё место в зале суда. Ответственность момента требовала перемещаться с достоинством, но в мыслях царил хаос. День Отправки всегда приводил судью в состояние эмоционального бессилия. Уселся, аккуратно подобрав мантию.

— Прощу списки, — велел он.

Секретарь суда передал пачку листов. Надиен прикинул толщину стопки. Казалось, она увеличивалась с каждым разом.

Он заставил себя взглянуть на безмолвную толпу обречённых, следивших за каждым его движением. Атависты, все как один: убийцы, проститутки, растратчики, насильники. И хотя наука давно уже победила болезни, отдельные случаи поведенческого отклонения, казалось, ускользали от внимания Совета по совершенствованию человечества посредством евгеники.

— Суд готов приступить к заседанию, — произнёс он наконец. — Закон предписывает предоставить каждому подсудимому Право Выбора. Предварительно суд обязан разъяснить суть данного права. Каждый из вас осуждён за то или иное преступление против общества. Мы не держим на вас зла. Однако мы не можем позволить вам оставаться среди нас, поскольку доказано, что отклонения, подобные вашим, эмоционально разрывательны. Сие ставит общество в затруднительное положение, учитывая, что смертная казнь давно отменена.

Поэтому вам предоставляется Право Выбора. Во-первых, вы можете избрать самоубийство. В этом случае мы назначим временной интервал, и вы приведёте приговор в исполнение сами — метод и точный момент остаются на ваше усмотрение. Во-вторых, вы можете выбрать Отправку. Она заключается в немедленном перемещении с помощью телемоста в нашу исправительную колонию. Там вы проживёте положенный вам срок в обществе, более терпимом к вашим особенностям. Имеются ли у вас вопросы?

— Отправка болезненна, Ваша Честь?

— Разумеется, нет. Каждый из вас много раз пользовался местными телемостами. В случае Отправки расстояние больше, но процесс по-прежнему безболезнен.

— Как нас примут в колонии?

— Полностью зависит от вас. Чтобы помочь вам, мы удалим с помощью психоаннуляции ваши воспоминания и заменим их психопрошлым, адаптированным к новой среде. Есть ещё вопросы? Нет? Тогда, когда секретарь будет называть ваше имя, отвечайте «Самоубийство» или «Отправка», в зависимости от вашего выбора.

— Гин?

— Отправка!

— Сиссл?

— Отправка!

Час спустя, после того как огласили последние имена и все осуждённые отправились в колонию, судья Надиен устало поднялся.

— Угнетающее зрелище, не правда ли, Ваша Честь? — заметил секретарь. — Какая пустая трата жизней и знаний.

— Это безусловно так. Но задумывались ли вы когда-нибудь о том, что несёт их прибытие Земле?

Day of Departure, 1952
Иллюстрация: С. Квескин

Экзамен

Ирвинг знал, что если провалит последний экзамен, то неминуемо вылетит. Он уселся перед пультом и сосредоточился. Задача на власть разума над материей — на расстоянии в три парсека!

Подойдя к началу экзаменационного коридора, Ирвинг мельком взглянул на клочок бумаги в руке. Кабинет 16Б. Он без колебаний зашагал по длинному холлу; длинные ноги делали движение стремительным. За шесть лет в Университете он запомнил точное расположение крохотной экзаменационной кабинки, отведённой для выпускного экзамена по Ассоциативному Динамическому Аппроксимированному Моделированию.

Он на мгновение задержался перед дверью 16Б, мотнул головой, словно бросая вызов, и вошёл. Испытание будет тяжёлым, и он это знал. Сейчас ему отзовутся все прогулы, а зачётные баллы так нужны для выпуска!

Вынул из кармана зачётку, вставил в машину — оценка проставится автоматически по окончании экзамена.

Удобно расположил своё длинное тело в кресле, предусмотрительно поставленном перед панелями с циферблатами и вычислительными узлами, занимавшими целую стену комнаты. Убедившись, что всё необходимое на месте, Ирвинг протянул руку и щёлкнул переключателем с надписью «ИНСТРУКТОР».

— Вы готовы, студент Гова? — мягко прозвучал голос из скрытого динамика.

— Да, Инструктор.

— Тогда слушайте задание. Вам выделен сектор 2645 пространства на расстоянии в три парсека. В следующие десять минут вы получите детальное описание звёздной системы. Используя лишь пространственное сырьё и ментальные техники, полученные в ходе обучения, вы должны воспроизвести точную копию системы в назначенном вам секторе. Есть вопросы?

— Насколько точной должна быть копия, Инструктор?

— Достаточно точной в физическом строении. Все жизненные формы также должны быть воспроизведены.

— Я готов.

Следующие десять минут он напряжённо сидел в кресле, пока импульсы психоскопа пронизывали его тело и разум. Постепенно он впитал трёхмерную мыслесхему системы, заданную для воспроизведения. Когда образ угас, он на мгновение расслабился, затем возложил пальцы на клавиатуру и принялся за работу.

Его уверенность постепенно возрастала. Подчиняясь порхающим пальцам энергетические машины создали искривление в пространстве выделенного сектора. В точно рассчитанный момент он настроил длину волны Усилителя мысли так, чтобы она совпала с мысленной матрицей его собственного сознания. Полная мощь его колоссальных ментальных способностей сотрясла искривлённое пространство. На лбу выступил пот, пока Ирвинг с надеждой смотрел на обзорный экран панели перед ним. Сперва в центре искривления возникло слабое мерцание. Затем стремительно — так стремительно, что он едва успел прикрыть глаза, — весь экран вспыхнул светом неукротимой энергии.

Пальцы Ирвинга лихорадочно забегали, и стягивающие силовые лучи медленно взяли хаос под контроль. Наконец экран озарился устойчивым свечением молодого горячего солнца.

Теперь, когда в его распоряжении имелся звёздный материал, он легко воссоздал назначенную ему систему. Создавая напряжения и искажения внутри звезды, он заставил огромные куски вырываться из неё, занимая круговые орбиты.

Задача настолько его поглотила, что он почти не замечал хода времени. Периодически он чувствовал голод или жажду. Быстрым нажатием нужных кнопок заказывал еду и торопливо её глотал. Когда уставал разум, Ирвинг откидывал кресло в удобное положение и засыпал.

Шли дни, и подобие обретало форму под ментальным воздействием. Каждый отдельный мир становился копией своего оригинала. Вздымались горы; моря обрушивались на берега,

голые и пустынные; затем волшебство растительной жизни на разнообразных мирах расцвело радугой красок. Зашевелился ил океанов. На суше и в воздухе появились животные.

Наконец усталыми, воспалёнными глазами он взглянул на созданное, — и это было хорошо. С улыбкой на губах он расслабился. Потянулся отключить питание Усилителя мысли, но не успел дотянуться до выключателя, как провалился в беспокойный сон. Ворочался, дёргался, и видел сны.

Проснувшись, он заметил, что питание всё ещё включено. Быстро его отключил. Торопливый, испытующий взгляд на экран успокоил. Копия всё ещё хороша. Затем щёлкнул переключателем с надписью «ИНСТРУКЦИИ».

— Вы закончили, студент Гова?

— Да, Инструктор!

— Вы трудились долго — целых шесть дней.

— Неужели? Но задача оказалась сложной.

— Верно. Подождите, мы проверим вашу работу.

Следующие несколько мгновений тянулись так же долго, как всё время экзамена.

Вдруг из громкоговорителя вырвался изумлённый вздох.

— А это что? На мирах, вам переданных, подобного существа нет. Объясните.

Ирвинг настроился на мысленную и зрительную волну Инструктора. Перед ним предстало существо, чьего создания он не помнил.

— Вы помните это существо, студент Гова?

— Нет, Инструктор.

— Но оно должно быть вашим. Копия целиком настроена на вашу длину волны. Мы проверили. Только вы могли вызвать его к жизни; только вы можете его уничтожить. Вам известно, что увеличивать число видов при Творении противоречит правилам. Уничтожьте его!

Ирвинг смотрел на существо, безмятежно спящее под деревом, и испытывал к нему жалость, сострадание и любовь.

— Я не могу, Инструктор. Не знаю, как оно там появилось, разве что оно — порождение моих снов. Я забыл отключить питание, пока спал.

— Вопиющая халатность! Уничтожьте его, говорю вам!

— Нет. Теперь оно на своём месте. И выглядит одиноким. — Без предупреждения он включил Усилитель и, прежде чем Инструктор успел вмешаться, рядом с существом на траве возникло другое, того же вида.

— Что вы сделали! — закричал Инструктор. — Оно сможет размножаться. — Голос стал ледяным и суровым. — Вы создали неразумное подобие. Вы знаете, что это значит.

Ирвинг молча поднялся с кресла. Машинально потянулся за зачёткой с результатом по Ассоциативному Динамическому Аппроксимированному Моделированию. Для экономии места все курсы значились по первым буквам названия. Одного взгляда хватило, чтобы подтвердить вердикт Инструктора:

И. Гова. Не сдал АДАМ.

Test Problem, 1953

Неприятности близ Солнца

Булл и Скип расходились во мнениях о достоинствах «Цербера-III» как космического корабля. Но истинная закалка корабля — как и человека — проверяется в чрезвычайных обстоятельствах!

Спасательное судно Внутреннего планетарного флота «Цербер-III» рванулось в сторону, словно отчаянно уворачиваясь от какого-то мифического чудовища космических трасс. Внутри заполненной приборами рубки управления горстка офицеров, собравшихся по срочному приказу капитана Стивенса, почувствовала, как палуба уходит из-под ног. Офицеры судорожно хватались за что попало. Везунчики напрягали мышцы, уцепившись за доступные опоры, остальные же беспорядочной, бранящейся кучей впечатались в переборки.

— Идиот! — заорал капитан Стивенс. — В следующий раз предупреждай!

Оператор боковых дюз криво усмехнулся, не отрывая взгляда от сканера.

— Прошу прощения, сэр. Времени не было. Когда один из кальциевых факелов вскипает и летит в тебя, как пушечное ядро, ты или выбираешь новое местечко в хромосфере и сваливаешь туда побыстрее — или больше уже никогда не дёргаешься.

Булл Райт, один из двоих устоявших на ногах, медленно разжал огромные пальцы, вцепившиеся в какой-то выступ, и согнул их. Оглядел рубку и ухмыльнулся, глядя сверху вниз на попытки Скипа Аллена встать.

— Как тебе старина Сол с нижнего ракурса? — язвительно протянул он. — Это тебе не учебник читать, верно?

Худощавый мичман быстро поднялся и машинально поправил фуражку на рыжей голове.

— Мистер Опытный болтун, да? Интересно, почему в Штабе ещё не поняли, что мичман Райт всё видит, всё знает и всё разбалтывает?

— Прекратить, оба, — приказал капитан Стивенс. — На этот раз у нас серьёзная проблема. — Он сделал драматическую паузу, взмахнув листком космограммы. — Нам приказано найти «Регис» и снять с него экипаж и пассажиров.

— Новый солнечный крейсер Командования Флота! — охнул Скип. — Что с ним случилось?

— В Штабе точно не знают, — ответил Стивенс. — Получили обрывок сообщения: управление тягой заклинило, а антигравитационное и охлаждающее оборудование постепенно отказывает. По расчётам, у них около четырёх часов, прежде чем они начнут падать слишком быстро для контакта, и примерно столько же, пока внутри не станет слишком жарко для жизни. Очевидно, поток заряженных частиц захлестнул передающий луч, потому как сообщение стало неразборчивым и в конце концов затихло.

— Спасательная операция, — проворчал Булл. — Не наша работа. У нас даже оснащения нужного нет. Если кучка напыщенных индюков не сумела пройти через корону в хромосферу — туда им и дорога. Какого чёрта мы должны рисковать шкурой, спасая их?

— Мы единственный корабль, кто доберётся до них в ближайшие пару часов. Но это не всё. На борту Алистар из созвездия Лебедя.

— Алистар с Лебедя? — переспросил один из офицеров. — И кто это, чёрт возьми?

— Инспектор Штаба Межгалактической Федерации. Помните контейнер с очищенными от электронов ядрами, найденный в здании Штаба Федерации в прошлом месяце?

Офицеры кивнули.

— Федерация считает, что его взяли с одной из наших драг для сбора ядер, работающих в солнечных пятнах. Со всеми прочими странными вещами, что творятся в последнее время и бросают на нас тень, наша система под угрозой исключения из Федерации, если мы не сможем оправдаться. Вы понимаете, что это означает для нашей торговли?

Потому и прислали Алистара с Лебедя — для предварительного расследования. Его отчёт определит дальнейшие действия. Представьте, с Алистаром что-то случится. Там

наверняка решат, что это часть заговора, сплетённого в нашем углу галактики. Мы должны найти корабль и вытащить его. Таков приказ. И мы его выполним, или погибнем, пытаясь.

— Проще простого, — Булл фыркнул. — Всего-то и дел — отыскать на Солнце такую малость. Пара пустяков. Вся окружность — каких-то два с половиной миллиона миль.

Капитан Стивенс улыбнулся.

— Не всё так плохо. В полученном сообщении указали примерное местоположение. Примерно пятнадцать градусов северной широты, рядом с небольшим пятном примерно в семидесяти градусах к западу от восточного лимба Солнца, если смотреть с Земли на момент отправки сообщения. Я проложил курс. Мы движемся туда с самого начала разговора.

Ещё вопросы, джентльмены? Тогда занимайте посты согласно обязанностям. Все свободны, кроме мичманов Райта и Аллена.

Когда остальные вышли, капитан Стивенс повернулся к двум нервничающим офицерам:

— Я приказал вам прекратить два дня назад. Я не против вашей грызни, но ваша вражда по поводу пригодности «Цербера-III» будоражит команду.

Скип и Булл виновато переглянулись. Стивенс продолжил:

— Возможно, ваши перебранки забавляли экипаж пару дней после отлёта с Терры. Но теперь они их задевают, а шуточки про корабль нервируют. Вы оба знаете, что нервный экипаж — последнее, что нужно на судне, работающем в атмосфере Солнца. Даже подсознательное сомнение в надёжности «Цербера-III» может заставить техника ошибиться или промедлить ровно на столько, чтобы отправить всех на смерть.

— Запомните, — предостерег Стивенс, — это ваш первый полёт в звании мичманов. Строго испытательный срок. Одно моё слово — и ваш диплом Космической Академии аннулирован, мичман Аллен. И сотрите ухмылку, мистер Райт. Вы, может, и двигались вверх десятков лет, начав с рядового, но ваше мичманское звание тоже зависит от моего рапорта по окончании вахты.

Оба офицера, стоя навытяжку, пробормотали:

— Так точно, сэр.

— Вы оба — офицеры. Ведите себя соответственно. Мы должны обнаружить «Регис» в ближайший час. Назначаю вас обоих на смотровые экраны. Как только кто-то из вас увидит «Регис», сразу сообщите мне. Я совершу обход и проверю готовность оборудования.

Как только Стивенс вышел, Булл и Скип отправились в крошечную смотровую каморку, сразу за Главным постом управления. Там они уселись спина к спине в закреплённые посреди комнаты кресла. Так каждый контролировал свою полусферу, а вместе они получали полный обзор. Сидя в окружении экранов, легко представлялось, будто они парят в хромосфере без всякой палубы под ногами.

Несколько раз корабль вплотную приближался к солнечным пятнам. Их аккуратно огибали, не входя в полутень. Тёмная центральная область каждого пятна, тень, зияла, подобно чудовищному провалу в область магнитных сил, куда не было ходу кораблям, кроме ядерных драг или контактных судов, специально созданных для входа в вихрь. Дважды экраны отобразили похожие на петли структуры — протуберанцы взрывающегося водорода, выстреливающие на десятки тысяч миль в пространство, с концами, загибающимися обратно к поверхности светила.

— Клянусь трёхногими рогатыми слонами Каллисто, — проворчал Булл, когда корабль пронёсся сквозь очередную петлю, — я чувствую себя астрономическим шаром, летящим сквозь воротца межгалактического крокета.

Когда «Цербер-III» вильнул влево, уклоняясь от очередного несущегося кальциевого факела, Скип почувствовал, что желудок становится столь же неустойчивым, как и палуба. Он громко застонал. И впервые с момента посадки оторвал напряжённый взгляд от экранов, встретив ухмылку Булла.

— В чём дело, космический кадет? — съязвил Булл. — Неужто твоя подготовка не включала курс, как НЕ страдать космической болезнью?

Скип судорожно сглотнул, прежде чем заговорить:

— Вообще не понимаю, как эта мусорная корзина вообще выдерживает такую тряску.

— С ней всё в порядке, — парировал Булл. — Если ты рассчитывал после выпуска попасть на шикарный межзвёздный лайнер, то это ещё не повод вымещать разочарование на «Цербере-III». Хватит делать хороший корабль оправданием для...

— Красивые слова, — перебил Скип. — Ты просто пытаешься убедить себя, что вроде как сидишь на табурете в марсианском баре.

Сверля друг друга взглядами через плечо, они внезапно опознали голос капитана Стивенса в дверях смотровой.

— Забыли о «Регисе», джентльмены? — Не голос, а закалённый клинок, способный рассечь и миллионоградусный жар короны.

Оба дёрнулись к экранам. Сбоку они увидели низко в хромосфере «Регис», зависший над тенью маленького солнечного пятна примерно в десяти тысячах миль.

Голос Стивенса исполнился горечи.

— Сначала вы подорвали боевой дух команды. Теперь проявили халатность при исполнении обязанностей. Достаточно, чтобы вышвырнуть вас обоих из Внутреннего флота. Вы оба — космический мусор, а без одного Служба может обойтись. Оставайтесь в рубке управления, где я смогу за вами проследить. Я займусь вами позже.

В рубке управления Стивенс обратился к связисту:

— Ну как, удалось?

— Безнадёжно, сэр. Слишком сильные помехи, связи не будет. Взгляните, сэр, — сдвоенное пятно. Связь невозможна из-за разницы полярности.

Скип и Булл, жалкие, никому не нужные, стояли в стонке и смотрели на маленькие экраны пульта управления. Они видели, как «Регис» опасно нависает над центром одного пятна, а поодаль виднелось второе — одно из лучших сочетаний «ведущего» и «ведомого» пятна, какое им доводилось встречать.

— Низковато висят, сэр, — заметил Малкольм, старший помощник.

— Около пятисот миль. Должно быть, используют перпендикулярное к поверхности Солнца магнитное поле пятна, замедляя падение. Скоро войдут в обращающий слой.

— Там и прохладнее, — добавил Малкольм. — Завихрения газов создают пониженное давление, температура падает примерно до семи тысяч градусов вместо одиннадцати снаружи пятна, где мы находимся.

— Надо сблизиться и цеплять их как можно скорее, — приказал Стивенс. — Готовьте самый прочный трос. Подойдём на милю — выстреливайте до контакта.

— Но, сэр, в таких условиях трос не достанет!

— Достанет — и достанем! Выполняйте приказ.

— Есть, сэр.

«Цербер-III» осторожно продвигался к полутени. В рубке людей швыряло — корабль подхватило бешеный атомный вихрь края, пока он искал проход в спокойную зону над более прохладными газами вокруг пятна. Напряжённо маневрируя, корабль пробирался к «Регису».

Когда дистанция сократилась, Булл и Скип увидели на экранах, как буксирный трос «Цербера-III» змейёй потянулся к «Регису». Раз за разом трос проходил мимо. В окружающем хаосе попасть было труднее, чем вхлестнуть кончик лассо в игольное ушко. Наконец трос достиг цели и заарканил «Регис» посредине корпуса.

Вздых облегчения вырвался у всех в рубке. Стивенс взглянул на часы.

— Прошло два часа. Теперь — самое трудное.

Он вызвал шлюзовой отсек по внутрикорабельной связи:

— Контакт установлен. Подготовьте стыковочный рукав к выдвигению из шлюза по моей команде. Начинаем подтягивать «Регис» к нам. Все места соединений задрать наглухо. У людей на «Регисе» нет скафандров для защиты от солнечного излучения. Единственный их шанс — пройти по рукаву после стыковки. Утечка радиации — и все они погибнут.

Затем вызвал машинное отделение:

— Малый вперёд.

Палуба рубки задрожала от мощи огромных ионизационных двигателей. На экране буксирный трос начал распрямляться между кораблями. Провисшая петля извивалась, как умирающая змея, под воздействием игравших на нём сил. Затем трос натянулся.

— Двигается к нам, — вслух произнёс Скип.

Никто не ответил. Все глаза были прикованы к экранам.

Внезапно «Цербер-III» начало швырять вправо-влево. Стивенс грубо оттолкнул рулевого и рванул рычаги управления. Рысканье прекратилось, но когда все взглянули на экраны, «Регис» снова оказался далеко, а трос провис.

Стивенс посмотрел на угрожающие стены солнечного пятна. Не материальные — словно стенки смерча в толще воздуха. Здесь, внутри пятна, главной задачей было удержать корабль в равновесии с восходящим из жерла пятна столбом газов фотосферы, подстраиваясь под неуклонное падение «Региса». Существовал предельный уровень погружения «Региса», дальше спасения не было. Теперь, вблизи фотосферы, притяжение Солнца в 27 g ощущалось куда сильнее, чем на расстоянии в десять тысяч миль. На попытки подтянуть «Регис» достаточно близко для стыковки оставался час.

— Придётся рискнуть, — сказал Стивенс.

И снова вызвал машинное отделение:

— Полная мощность по моей команде.

Булл взглянул на Скипа, ухмыльнулся, его мысль абсолютно ясна: «Сейчас увидишь, на что способен хороший корабль».

— Давай!

Палуба ожила, отзываясь на удары бесчисленных миллионов квантов света, — свободные электроны присоединялись к очищенным ядрам в разрядных камерах двигателей.

Корабль снова начало швырять, но ловкие пальцы капитана Стивенса быстро взяли его под контроль.

Скип улыбнулся Буллу. Его взгляд тоже наполнился смыслом: «Вот видишь — не так уж хорош твой корабль!».

Всем в рубке пришлось уцепиться за переборки: корабль, Солнце и капитан Стивенс сошлись в поединке за власть над «Цербером-III» и «Регисом».

Тонкий буксирный трос снова туго натянулся.

«Какой у него запас прочности?» — мелькнуло в голове у Скипа.

В следующий миг один оборванный конец поплыл к «Церберу-III», другой — к «Регису».

На долю секунды «Цербер-III» словно завис в пространстве. Затем всех швырнуло в разные стороны: сила двигателей «Цербера-III» на полной мощности, сложенная с внезапным освобождением от груза «Региса», выстрелила спасательным судном в пространство, впечатав экипаж в ближайшие переборки.

Скип неохотно вернулся в сознание. Часть дежурной смены уже стояла на ногах. Другие ещё лежали, пытаясь прийти в себя и подняться. Несколько человек не двинутся с места уже никогда.

Гул двигателей стих.

Капитан Стивенс беззвучно ругался перед пультом.

— Забиты, — выплюнул он. — Проклятый трос, должно быть, хлестнул прямо в кормовые выхлопные дюзы и наглухо их закупорил. Хода вперёд у нас больше нет. И только взгляните. — Он махнул рукой в сторону экранов.

Корабль отшвырнуло на тысячи миль от прежней позиции. Судя по всему, они снова оказались на внешней границе хромосферы. «Региса» видно не было. Постоянно меняющаяся картина на обзорных панелях указывала, что «Цербер-III» вращается.

Капитан Стивенс выправил вращение, не переставая говорить:

— Привести в порядок рубку. Раненых — в лазарет, мёртвых — убрать. У нас те же проблемы, что и у «Региса». Антиграв и теплозащита работают, но датчики показывают медленную потерю мощности. Нужно прочистить дюзы, иначе мы рано или поздно рухнем на Солнце. Идём в шлюзовой отсек, посмотрим, что можно сделать.

Булл и Скип вместе с остальными двинулись через весь корабль. Когда они добрались до шлюзового отсека, Малкольм, с побелевшим от боли лицом, уже натягивал солнечный скафандр. Один из техников защёлкнул шлем и протянул резак. Прежде чем кто-либо из вновь прибывших успел вымолвить слово, Малкольм вошёл в шлюз и выбрался наружу.

Внезапно один из шлюзовых воскликнул:

— Боже мой! Он взял скафандр с разряженным блоком охлаждения! Если хладагент откажет, пока он снаружи...

Булл сорвал другой скафандр с крюка и начал натягивать. Капитан Стивенс схватил его за руку и закричал:

— Отставить, мичман! Вы арестованы. Мы пошлём...

— Там человек снаружи, — перебил Булл. — Вы же сказали: или сделаем, или погибнем, разве нет? Пустите.

Стивенс сжал хватку:

— Послушай, ты, здоровенный дурак...

Булл сильно толкнул его. Капитан ударился о палубу и откатился к переборке. Никто не проронил ни слова. Слишком многое требовало внимания. Забитая выхлопная система. Человек снаружи погибнет, если до него вовремя не добраться.

Булл захлопнул внутренний люк шлюза и открыл внешний. На мгновение отпрянул. Хотя он провёл в космосе десять лет, но первый раз оказался в зоне Солнца. Даже сквозь фильтры обзорных пластин Солнце выглядело кошмаром. Здесь, где обзору ничто не мешало, протуберанцы представляли во всём своём ужасе, а кипящие струи пламени, казалось, готовились протянуться и сорвать его с корпуса «Цербера-III». Потребовалась вся сила воли, чтобы выйти из шлюза и оглядеться в поисках старшего помощника. Малкольм виднелся почти у кормы, медленно продвигаясь. Булл последовал за ним.

Внезапно лицевую пластину Булла залило пламенем. Он отчаянно вцепился в корпус, хотя и понимал, что в космосе столь маленький взрыв не вызовет ошутимого толчка. Не надо смотреть, чтобы понять, что случилось. Он знал и так. Малкольма не стало.

«По крайней мере, быстро и без боли», — подумал Булл.

Теплозащита Малкольма отказала. При чудовищной температуре переход из твёрдого состояния в газообразное произошёл мгновенно, настоящий взрыв. Несколько раз судорожно сглотнув, Булл медленно двинулся к корме. Теперь расчищать дюзы предстояло ему.

Он пытался выбросить из головы картину распада Малкольма, но та упорно возвращалась. Он видел, как умирали многие, но никогда — так быстро и так бесповоротно. Всё Солнце стало теперь могилой Малкольма. Сами его атомы разрывало на части непрерывным процессом ионизации, идущим в солнечной атмосфере. Мысль о столь полном развоплощении как-то противоречила представлениям Булла о бессмертии.

Его грубо выдернуло обратно в реальность, когда корабль с невероятной силой рванулся вверх, на мгновение намертво прижав Булла к борту. Задыхаясь от неожиданного давления, он лихорадочно пытался сообразить, что случилось. Когда давление постепенно ослабло, он понял, что корабль, видимо, угодил в одно из многочисленных газовых облаков, постоянно пульсирующих близ Солнца из-за перепадов температур. На этот раз восходящая масса придавила его к кораблю. Операторы боковых дюз не компенсировали смещение, потому что он находился снаружи, а резкое движение могло бы отправить его в свободный дрейф.

Как только мичману удалось подняться на ноги и продолжить путь, он стал с особой тщательностью переставлять намагниченные ботинки по обшивке. Вдобавок он проложил страховочные тросы — дополнительные якоря на случай неожиданных манёвров корабля. Когда Булл представил вспышку кальциевого факела рядом с кораблём, дыхание перехватило. Понятно, что в этом случае экипаж врубит боковые дюзы, избегая встречи. Если крепление окажется ненадёжным, то внезапная смена курса оставит его в одиночестве в хромосфере, пока не иссякнут аккумуляторы; или же факел, потеряв корабль, подхватит его и взорвёт, превратив в очередного Малькольма.

Страх туманил разум, взгляд не отрывался от обшивки, и он внезапно обнаружил, что практически добрался до кормовых дюз. Длинный буксировочный трос хлестанул по всем четырём

дюзам с такой силой, что обрывки троса приварило и изнутри, и снаружи, полностью закупорив отверстия. Из-за этого энергетические потоки в камерах сгорания, не имея выхода, нейтрализовали друг друга.

Убедившись, что все возможные крепления задействованы, он собрался с духом и начал выжигать ближайшие забытые дюзы.

В смотровой экипаж с тревогой наблюдал за окалиной, летящей из-под горелки Булла.

— У парня хватка что надо, — прошептал кто-то.

Скип, не задумываясь, бросил:

— Точно. Видно, он не бросал слов на ветер насчёт «Цербера-III».

Снаружи Булл прочистил вторую дюзу и машинально потянулся к третьей. Забыв, что страховочные тросы натянуты до предела и что неверное движение может их сорвать, он ощутил, как ноги теряют сцепление, и через несколько секунд он уже парил в двадцати футах от корабля, удерживаемый последним тросом.

Скип заметил, как снесло мичмана, а капитан Стивенс выкрикнул:

— Он почти оторвался. И вряд ли рискнёт подтягиваться на единственном тросе — боится сорвать и его. Ещё повезёт, если завихрения вокруг корабля не сбросят трос.

Скип не ответил, бегом метнувшись в шлюзовую отсек. Когда остальные сообразили, что он задумал, он уже натянул скафандр и закрывал за собой люк шлюза. Помня трудности Булла при движении вдоль обшивки, Скип аккуратно перемещал тросы, стараясь двигаться как можно быстрее. Не решаясь взглянуть, держится ещё Булл или уже сорвался. Добравшись до дюз, он поднял голову и глубоко вздохнул — Булл всё ещё держался. Тщательно укрепившись, Скип начал выбирать трос Булла пядь за пядью. Трос прочно фиксировался на скафандре Булла, так что разрыва можно было не опасаться. Наконец Булл оказался рядом со Скипом.

Снова надёжно прикреплённый к кораблю, Булл на секунду привалился к напарнику. Связи между скафандрами не

имелось, а светофильтры на шлемах не позволяли заглянуть друг другу в лицо.

Когда Булл, отдышавшись, поднял голову, Скип уже работал на оставшихся дюзах. Встав рядом, Булл пустил в ход свою горелку.

Обрывок за обрывком, кусок за куском выжигали они фрагменты буксировочного троса. Чтобы полностью очистить дюзы, одному из них пришлось забраться внутрь. Это сделал Булл. Тяжёлая работа в тесных скафандрах выжимала пот из каждой поры.

Булл потянулся к одному из последних металлических обрывков, когда заметил, что скафандр нагревается. Металлические детали в руках казались слишком горячими, чтобы их держать. В приступе панике он опять вспомнил Малькольма. Неужели его собственный охлаждающий блок истощается? Выбравшись из дюзы, он увидел, что Скип уже ждёт. Осмотревшись, не сразу осознал открывшуюся картину. Солнца больше не было видно.

«Мы растворяемся в пейзаже».

Объяснение могло быть только одно. Работа, видимо, заняла больше времени, чем казалось. Корабль снизился и теперь находился глубоко в вихре пятна. Поскольку стены словно напирали со всех сторон, корабль, вероятно, оказался уже внутри фотосферы. Если немедленно не выбраться, то уже не спастись. Он двинулся обратно к шлюзу; Скип за ним.

Капитан Стивенс с тревогой смотрел на приборную панель. На лбу выступил пот. Ждать больше нельзя. Он потянулся к пульту запуска.

Кто-то из людей в рубке ахнул:

— Не надо, сэр. Не после того, что они сделали.

Стивенс инстинктивно отдернул руку, но замер.

— Я должен, — прошептал он. — Или они, или все мы.

Выбора нет.

Рука решительно легла на пусковой рычаг.

Снаружи Булл тщательно переставлял страховочные тросы по мере продвижения. Он держался немного позади Скипа, подстраховываясь на случай, если тросы Скипа не выдержат. Он ничуть не сомневался, как поступит капитан Стивенс, если встанет перед выбором: гибель двоих или всего

экипажа. Булл знал, что тросы выдержат тягу корабельных двигателей. Но выдержат ли они их обоих? И — главное — сумеет ли он ухватить безумного космического курсанта, своего спасителя, прежде чем инерция корабля вырвет парня и отбросит за пределы досягаемости?

Времени на раздумья не оставалось. Он ощутил, как обшивка оживает под ногами. Рефлекторно выбросил руки и ухватил Скипа за талию. Вся сила нового курса корабля и инерция Скипа схлестнулись в битве, чей центр пришёлся на плечевые суставы Булла. Задолго до того, как кости выскочили из суставных впадин, Булл почувствовал боль разрываемых мышц, волной прошедшую по бокам и груди. Он услышал свой собственный крик где-то далеко в шлеме. Но он держался. А потом потерял сознание.

Позже. Много позже Булл очнулся и обнаружил, что лежит на койке в корабельном лазарете. Руки вытянуты высоко над головой и намертво зафиксированы в шинах под натяжением.

— А, всё-таки решил очнуться?

Булл повернул голову и осмотрел забинтованную фигуру на соседней койке.

— Узнать, наверное, трудновато.

Знакомый голос.

— С чего это ты весь в бинтах, космический кадет?

Голос Скипа прозвучал с горьким самобичеванием:

— «Кадет» — в самую точку. Работал на дюзах снаружи и даже не заметил, что приближаемся к Солнцу. Видимо, подхватил полную дозу жара. Ну разве можно быть настолько тупым?

Повисло молчание. Потом Булл заговорил:

— Ты спас мне жизнь там, снаружи, Скип. Сам бы я не подтянулся. Это требовало мужества. Спасибо.

— А как назвать твой последний поступок? Нет на корабле другого человека, что смог — или хотя бы решился — выдержать такой хват руками.

Они взглянули друг на друга. В будущем ещё не раз столкнутся опыт и теоретическая подготовка; но язвительность в их перепалках смягчится взаимным уважением.

— Восхищаетесь храбростью друг друга?

Они перевели взгляд на дверной проём, где стоял капитан Стивенс. В обоих всколыхнулась обида. Неужели обязательно отчитывать и сыпать соль на раны именно сейчас?

— Ну? Что скажете в своё оправдание?

Булл, понимая, что нет смысла оправдывать сделанное, ответил первое, что пришло в голову:

— Жаль, что мы не дотянули до «Региса», сэр.

— Но мы точно старались, — добавил Скип. — Экипаж корабля выложился полностью. Если уж мы не смогли — значит, это было невозможно.

— Значит, в своё оправдание сказать нечего? — настаивал Стивенс.

— Выходит, что так, сэр, — ответил за обоих Скип.

Капитан Стивенс подошёл и встал между их койками.

— Вы оба, похоже, упустили важный момент — не смотря на весь опыт и всю учёность.

Булл и Скип недоумевали.

— Когда трос с «Цербера-III» на «Регис» лопнул, что произошло с нами? — спросил Стивенс.

— Ну, нас зашвырнуло напрямиком в неприятности, — воскликнул Булл.

Лицо Скипа под бинтами сморщилось задумчивой гримасой. Потом он издал вздох облегчения.

— Ну конечно.

— Что «конечно», книгочей? — буркнул Булл.

— Послушай, — пояснил Скип. — Если тянуть кусок верёвки с постоянным натяжением за оба конца, что произойдёт, когда она порвётся? Вот именно. Предметы на обоих концах отбросит друг от друга.

— Так значит, «Регис» выбросило из того пятна точно так же, как и нас, — изумился Булл.

— Совершенно верно, — кивнул капитан Стивенс. — И он удержался на новой позиции, пока не прибыл другой спасательный корабль. «Регис» в безопасности. Алистар с Лебеда тоже в порядке.

— Значит, Федерация и Система счастливы, — добавил Скип. — Похоже, у всех всё хорошо — не считая нас. А мы выбыли из строя.

Капитан Стивенс посмотрел на них.

— Некоторые люди, — сказал он, — как хороший корабль — как «Цербер-III», например. Они не показывают, чего они стоят, пока с них не сойдёт немного лоска. Не так ли, Аллен?

Скип молча кивнул.

— Другие же, — продолжил Стивенс, — боятся, что кто-то может знать больше, чем они. Вы согласны, Райт?

Глаза Булла вспыхнули.

— А вообще-то я пришёл сюда, мичманы, чтобы выяснить, когда вы оба собираетесь приступить к обязанностям штатных офицеров «Цербера-III». Мне нравится держать при себе таких хороших людей, как вы.

Булл и Скип посмотрели друг на друга и усмехнулись.

Trouble Near the Sun, 1954

Иллюстрация: У. Терри

Смерть бредёт по Марсу

Подобно первопроходцам на Земле, Терри с женой прибыли на Красную планету искать удачу. Но явились и другие, готовые доказать, что...

Смерть таилась вверху. Марсианский песчаный стервятник пикировал, шипел и подёргивал в разрежённом воздухе зазубренным ядовитым хвостом.

Смерть находилась внизу. Человек лежал, вжавшись в каменистый песок. Песок алый, под цвет его волос и под цвет крови, что медленно сочилась из дыры во лбу и жирной струйкой стекала по внутренней стороне пробитого головного пузыря. Воздух с тонким свистом выходил через дыру в пузыре, пока кислородный конвертер тщетно пытался поддержать нужную дыхательную смесь.

Смерть пряталась в дуле пистолета, небрежно свисавшего с руки высокого мужчины в перчатке. Она скалилась с его лица, застыв в сардонической усмешке, созданной багровым шрамом на правой щеке. Она плясала в бесстрастной глубине его глаз.

Смерть билась в сердце Лиды Карсон. С приспособляемостью первопроходца приняла она факт смерти; пусть даже смерти своего мужа. Два долгих марсианских года проверяли на прочность их с Терри любовь; закаляли лишениями и разочарованиями. Наставленный на неё пистолет — лёгкий способ воссоединиться с мужем. Но слишком лёгкий, слишком мягкий ответ на неоправданное убийство. С непреклонной решимостью зажгла и раздула она в душе яростную решимость: трое стоящих перед ней мужчин заплатят — как можно медленнее и мучительнее — за содеянное.

Губами, одеревеневшими от сдерживаемых чувств, она спросила:

— За что вы его убили?

— Мы ничего против него не имели, мэм. Пришлось. Показали, что мы тут не шутим. Да и управиться с одним всё же

проще, чем с двумя. — Глаза толстяка, отвечавшего ей, тревожно дёргались вверх, на песчаного стервятника. — Эта тварь и вправду такая опасная, как говорят?

Лида повернулась к третьему, самому молодому. Тот, словно замороженный, не мог оторвать взгляд от смерти на земле. Кожа побелела, лоб покрылся испариной. Она повторила:

— Зачем вы это сделали?

— Попали в переделку в Каналпорте. Прошёл слух, что вы с мужем наткнулись на жилу Марсианских Солнечных Вспышек. Договорились с грузовым мастером, что он тайком доставит нас на Землю, если передадим ему вашу добычу. Он нас сюда и подбросил. А сам улетел. — Толстяк отчаянно чесался. Все они чесались, заметила Лида. Требовалось изрядно времени на Марсе, чтобы хоть как-то привыкнуть к пыли, проникавшей даже сквозь защитные комбинезоны. Пыль вызывала зуд, требовавший внимания, а следом шли гноящиеся язвы.

— Слишком много болтаешь, Толстяк, — зло сказал высокий.

— Какая разница, Рик? — философски заметил Толстяк. — Ей это всё равно не поможет.

Рик повернулся к Лиде.

— По крайней мере, обстановка тебе ясна. Скажешь, где камни, или упрёшься?

«Глаза как у песчаной ящерицы-резуна», — подумала Лида и с готовностью ответила:

— У наших раскопок.

Её взгляд переместился на пластиковый домик-пузырь, где они с Терри жили, когда не копали.

— Обыщите дом, если не верите, — предложила она. — Никогда их сюда не приносили. Прятали в пещере, пока не соберёмся домой.

— Значит, вы всё-таки нашли жилу? — жадно перебил юноша.

Она кивнула.

Рик повернулся к парню.

— Обыщи дом, Джокко. Может, она врёт.

Песчаный стервятник развернулся и сделал несколько низких пробных заходов в их сторону, пока все ждали Джокко. Лида машинально проверила одежду, чтобы убедиться, что кожа закрыта полностью. Если зазубренный хвост коснётся кожи, придёт смерть — медленная, мучительная, неминуемая.

Вернулся Джокко.

— Пусто, как в межзвёздном пространстве.

Засунув пистолет в кобуру, Рик двинулся вперёд со словами:

— Пошли. И без фокусов.

Лида иронично улыбнулась и осталась на месте.

— Всё не так просто. До пещеры четыре дня пешком.

Ошеломлённый Толстяк застонал.

— А где ваш пескоход?

— Сломался на раскопках. Мы вернулись за запчастями.

Толстяк и Джокко громко выругались. Рик их утихомирил.

— Бери запчасти, — велел он Лиде.

— У тебя есть вода? — спросила она.

— А у вас что, нет? — Толстяк истерично взвизгнул.

Лида дотронулась до пояса с пристёгнутой маленькой флягой.

— Только вот. И у Терри... такая же. Хватит паре старожиллов вроде нас. Но совершенно не хватит на всех. Особенно с учётом, что на Марсе вы недавно.

Джокко сорвал флягу с пояса Терри.

— Я возьму это, Джокко, — приказал Рик. — И твою тоже, — кивнул он Лиде.

Она послушно отдала флягу.

— Но, Рик... — начал Толстяк.

— Не спорь. Всем поровну. Выдавать буду я. А теперь тащи запчасти, — велел он Лиде. — Идешь с ней, Толстяк.

Как только они вернулись, мужчины тронулись в путь. Лида впервые потеряла над собой контроль.

— Ради бога, вы его хотя бы похороните?

Лицо Рика скривилось в кривой ухмылке, когда он подошёл к ней.

— Позаботься о песчаном стервятнике. Ему нужно есть.

— Но... — запротестовала она.

Рик стремительно оказался рядом, ухватив за пальцы. Боль взметнулась по руке; её затошнило, горло свело спазмом. Потом он отпустил. Толкнул.

— Раз я сказал: пошли, значит — пошли. Двигай.

Холодный сухой воздух Марса неумолимо вытягивал влагу сквозь комбинезоны и кожу. День тянулся медленно, лишённый ориентиров горизонт оставался практически неизменным. Красный песок свербел под кожей, словно рой шершней с Каллисто.

Губы трескались. Дважды останавливались отхлебнуть воды. Во второй раз Рик взглянул на неё:

— Откуда ты, чёрт возьми, знаешь, где мы находимся?

— Может, и не знаю, — поддела она.

— Лучше тебе знать. Проверить мы не можем. Но если вздумаешь нас обмануть, я сорву с тебя одежду и оставлю первому попавшемуся песчаному стервятнику. Понятно?

— Не волнуйся, — ответила она, — я знаю дорогу. Ходила достаточно часто. Тут много мелких ориентиров, если знаешь, что искать.

Когда настал вечер, Рик позволил каждому лишь слегка смочить губы. Затем сказал:

— Мне нужно поспать, а доверять я никому не могу. Поэтому спрячу воду в пустыне. Если со мной что-нибудь случится, от жажды умрёте все. А теперь отвернулись.

Лида слышала, как он торопливо отбежал в сторону. Вскоре вернулся.

— Теперь спать.

Холод марсианской ночи не давал покоя термоблоку комбинезона Лиды, и она вся дрожала. Но, измотанная переходом и событиями минувшего дня, наконец провалилась в сон.

Она проснулась затемно. Намеренно пошумев, прислушалась, не окликнет ли кто. Никто не пошевелился, и она ускользнула в пустыню.

Быстрым шагом ей потребовалось несколько часов, чтобы вернуться к дому-пузырю. Обрывки комбинезона Терри

были разбросаны по большой территории. Его кости слабо мерцали в едва различимом свете марсианских лун — начисто объединенные песчаным стервятником и ящерицами-резунам.

Бросившись на песок, она излила своё горе сухими, сотрясающими рыданиями. Обезвоживание отняло способность плакать.

Наконец поднявшись, собрала необходимые вещи. Когда она вернулась на ночную стоянку, трое мужчин всё ещё крепко спали.

Наутро, пока все сидели, жуя безвкусные таблетки аварийного пустынного пайка, Рик пошёл за водой. Внезапно ругань прокатилась по пустыне в их сторону. Лида тихо улыбнулась.

Он вернулся почти бегом. С отвращением швырнул фляги под ноги. Бока фляг треснули.

— Идиоты, — выругался он. — Ясное дело, вода на морозе замёрзла. Расширилась и разорвала фляги в клочья. Ты знала, что так случится, — обвинил он Лиду.

— Разумеется, — признала она.

Толстяк ударил её в плечо, сбив на песок.

— Отставить, Толстяк, — приказал Рик. — Теперь она нужна нам ещё больше. Есть вода поблизости? — спросил он Лиду.

— Примерно в двух днях пути. И то, пить её — дело рискованное. Иногда вода, идущая по пластам от полюса, попадает в ядовитый минеральный карман. Когда так происходит, Гильдия Исследователей ставит знак «Мёртвая голова», предупреждая, чтобы никто не пил. Как вы знаете, они регулярно проверяют каждый источник.

— Это далеко от ваших раскопок? — спросил Джокко.

— Около дня пешком.

— А в вашей пещере вода есть? — допытывался Рик.

— Нет. Мы мало расходовали. А когда нуждались, брали воду из того источника и дистиллировали.

— Что ж, придётся идти к источнику, — решил Рик. — И лучше бы воде оказаться хорошей, — предупредил он Лиду. — Если нет, и нам суждено здесь подохнуть, я позабочусь, чтобы и ты не унесла эти Солнечные Вспышки.

Все безмолвно брели за Лидой. Она постаралась задать темп побыстрее. Толстяк начал отставать.

— Не отставай, чёрт тебя дери, — пригрозил Рик. — Отстанешь — бросим одного.

В середине утра взорвался Джокко:

— Вы только гляньте на неё. Свежа, как венерианская кувшинка. У неё точно вода припрятана.

Лиду угрюмо обыскали. Она застыла под бесцеремонными пальцами и насмешливо улыбнулась.

— Я же говорила, что ветерану не нужно много воды.

Рик схватил за руку и выворачивал, пока она с криком не рухнула на песок. Голос его наполнился подозрением.

— Какой же я дурак. Почему ты не сбежала от нас прошлой ночью, когда был шанс?

Высвободившись из его хватки, она поднялась и развернулась к нему:

— И за все Марсианские Солнечные Вспышки, я не упущу удовольствие увидеть, как вы все умрёте.

Она зашагала прочь быстрее прежнего.

Прошло около шести часов пути, когда Толстяк остановился и завопил:

— Проклятая пыль. Вгрызается прямо во внутренности. Надо почесаться.

Он рванул на себе одежду, оголив живот. С неопишным удовлетворением принялся скрести и чесаться.

Почти неразличимый свистящий звук. Мелькнула длинная тень и Толстяк завопил. Хвост песчаного стервятника алым вышел из его живота. А сам стервятник уже взмыл высоко, кружа вне досягаемости.

Ослеплённый яростью, Рик выхватил пистолет и выстрелил. Как ни быстр палец на спуске, но яд оказался быстрее. К третьему выстрелу Толстяк вопил. Голос взбирался вверх по шкале мучений, время от времени взрываясь визгом агонии. С воплями корчился он на земле. Прямо на глазах его живот начал вздуваться и багроветь от яда. Глаза закатились. А стоны слетали с губ, словно литания безумного хора.

— Я не могу этого вынести, — закричал Джокко. — Сколько это продлится?

— Недостаточно долго, — ответила Лида голосом ломким от удовлетворения. — Всего-то десять часов. За это время он лишится рассудка, станет животным, молящим о смерти; а потом, под конец, просто будет валяться и стонать, и стонать, и стонать...

— Ты хотела, чтобы это с ним случилось, — выкрикнул Джокко.

Лида взглянула на него.

— И надеюсь на такое же для тебя — только хуже.

— Прекратите, вы оба, — приказал Рик. — И так всё плохо. Живые должны жить. Он мёртв, хотя не знает об этом. Зачем давать ему страдать?

— Ещё мяса для песчаного стервятника, — саркастически заметила Лида.

Шрам на щеке Рика вспыхнул красно-багровым. Он медленно скинул пистолет, целясь наверняка. После того как был спущен курок, Толстяк перестал двигаться.

— Ещё мяса для песчаного стервятника, — кивнул Рик Лиде. — А теперь — пошли.

Красная пыль шептала Лиде весь день: Смерть — Смерть — Смерть. Даже посасывая камешек во рту, она чувствовала, как трескаются и сморщиваются губы. Собственная кровь, сладкая во рту, казалась желанной влагой. Она подалась плечами вперёд и брела сквозь бесконечный песок и каменистую почву под ногами.

Ближе к вечеру Джокко несколько раз споткнулся и упал. Наконец он замер, умоляюще глядя на Лиду и Рика. Губы вяло шевелились, пока наконец ему не удалось прохрипеть:

— Надо передохнуть. Не могу идти. Пожалуйста, не бросайте меня.

Рик тяжело пробормотал в ответ:

— Я и сам измотан. Давайте отдохнём.

Лида молча рухнула на песок. Рот набился языком. Камешек ощущался на губах напильником. Каждая мышца болела; каждая клетка вопила о влаге.

После долгого безмолвного отдыха Рик поднялся на ноги и повернулся к Лиде.

— Не могу тебе доверять. Ускользнёшь и бросишь нас тут.

Лида презрительно взглянула на него.

— Не волнуйся. Я уже всё сказала. Хочу увидеть, как ты умрёшь.

— Всё равно придётся за тобой следить, — ответил Рик.

Он повернулся к Джокко.

— Сначала поспи ты. Я покараулю. Потом разбуду тебя на смену.

Лида вырыла в песке ямку для ног и улеглась. Ночной холод давно уже спустился, когда двое сменились на часах. Всю свою вахту Рик просидел лицом к ней. Она лежала тихо, симулируя сон. Наконец Джокко начал клевать носом и дремать. Некоторое время ему удавалось резко встряхиваться и просыпаться, но в конце концов он завалился и уснул.

Осторожно она подползла к нему и потрясла за руку. Джокко не шелохнулся. Удовлетворение, тронутое мрачным юмором, согревало её изнутри, когда она наклонилась и стянула с него ботинки. Ушла в пустыню. Уверившись, что достаточно далеко от лагеря, зашвырнула ботинки в ночную тьму.

Она отсутствовала недолго, но едва успела улечься, как услышала, как Рик трясёт Джокко:

— Просыпайся, дурак. Прибить бы тебя. Девчонка могла улизнуть, а ты бы и не заметил.

— Прости, Рик. Но я устал. Ничего не мог поделать.

Рик начал ругаться, но осёкся.

— Да какая разница. Спи давай. Я достою твою вахту.

Лишь когда наутро они уже собирались двигаться, Джокко заметил, что ботинки пропали. Он повернулся к Лиде:

— Ты их украла.

— Не будь чёртовым идиотом, — ответил Рик. — Всю ночь за ней следили. Тебе, наверно, приснился кошмар, и ты зашвырнул их в пустыню. Давай поищем.

Лида смотрела, как они ищут, расходясь всё более широкими кругами. Хромая и по-прежнему босой, Джокко вернулся с Риком к лагерю.

— Придётся идти как есть, — решил Рик, когда они подошли ближе.

— Но я не могу, — занял Джокко. — Пыль и в ботинках сводила с ума. Что будет теперь?

— Твои проблемы, — безжалостно сказал Рик. — Иди с нами или оставайся здесь. Тебе решать.

Он повернулся к Лиде:

— Рад видеть, что этим утром ты выглядишь паршиво. Хоть немного страдаешь. Если сказала правду, завтра будем у водоёма.

Они провели в пути около получаса, когда песок вокруг ног Джокко начал бурлить. Почти сразу его голос взвился и стих, сменившись подёргиваниями щёк и губ.

— Что с тобой, Джокко? — спросил Рик.

— Его ноги, — лаконично сказала Лида.

Казалось, что Джокко погружается в песок. Но красные пятна, расползающиеся по песку, говорили о другом.

— Ящерицы-резуны, — пояснила Лида Рикю. — Они повсюду. Оживают днём, когда теплеет. Обувь их не пропускает. А у Джокко ноги без защиты — вот они и добрались. Будут срезать по кусочку, долю дюйма за раз. Минут через пятнадцать ничего не останется, кроме костюма и скелета. Приятная смерть, а, Рик? Но, в конце концов, ты сам говорил, что им нужно есть.

Джокко опрокинулся и лежал, подёргиваясь, на боку; ноги комбинезона словно утонули в песке. Штанины странно сплющились, если не считать извивания невидимых ящериц, проедавших себе путь в верхнюю часть комбинезона. Всё заняло меньше пятнадцати минут. Под конец Лида отвела взгляд. Когда-то давно она с ужасом смотрела, как кроваво-красный прилив ворвался в шлем одного из с Терри друга-старателя. Это зрелище она много раз видела потом в кошмарах. Теперь, представляя его, она услышала, как Рик со свистом втянул воздух и хрипло произнёс:

— Нет! Нет!

— Может, двинемся дальше? — спросила она наконец.

Сдувшийся комбинезон, заполненный безжизненным скелетом, лежал на земле.

Лицо Рика приобрело тусклый песочно-жёлтый оттенок. Он кивнул и без единого слова побрёл в пустыню.

Третий день был полон стреляющих болей, грудной клетки, протестующей с каждым шагом, неосязаемых ног, каким-то волшебством продолжающих работать. Много раз Лида была готова сдаться. Она шаталась и беспорядочно вихляла по песку. Единственное, что её поддерживало, — одержимость мстью, дающая неисчерпаемый источник силы, когда она ослабевала. И Рик сдавал; он выглядел почти обессиленным. Как ему удавалось продолжать идти, Лида не могла себе представить. Он падал снова и снова, но упрямо поднимался и спотыкаясь брёл за ней.

Когда к ночи она рухнула на песок, он жестом велел встать. А когда она не поднялась, подошёл и грубо вздёрнул её на ноги.

— Нельзя останавливаться — потом не встанешь — надо идти — пока не умрём — или не дойдём. Шагай!

Но на помощь пришла марсианская ночь. Ориентиры стали неразличимы; они могли заблудиться.

Улёгшись, Лида настроила головной пузырь так, что он стал непрозрачным, сохраняя тепло, так быстро улетучивающееся из прозрачного предмета.

Через долгие промежутки времени она пыталась отодвинуться от Рика, улёгшегося рядом с ней. Но каждый раз его рука крепко хватала её, заставляя вернуться. По-видимому, он намеревался бодрствовать всю ночь, чтобы она не сбежала.

Настало утро четвёртого дня, они поднялись и вновь побрели, без единого слова друг другу, через пустоши по пути, выбранному Лидой.

Сама не понимая, как такое вышло, Лида дважды оказывалась на коленях на песке. Она знала, что шаталась; что силы давно её оставили; и всё же изумлялась, что ноги отказываются

подчиняться велениям рассудка. Каждый раз, когда она падала, Рик рывком вздёргивал её и поддерживал, пока ноги не начинали двигаться вновь.

Его глаза покраснели и опухли; губы покрылись жуткими струпьями и язвами. Около полудня он начал бессвязно бормотать, словно лишь только голос мог удержать его в здравом рассудке. Единственным различимым словом, соскальзывавшим с его губ, было: «Воды! Воды!».

Оно билось, точно ритм басового барабана Храма Сатаны на Каллисто, в натянутом сознании Лиды, пока ей не начали мерещиться водопады и громадные глыбы льда прямо перед ней в пустыне. Реальность и воображение смешались, так что она уже сомневалась, существует ли место под названием Марс, и реальны ли последние несколько дней.

И наступил полдень; а затем — часы пополудни.

Внезапно водный источник возник тёмным пятном на лишённом примет ландшафте. Различимый только по окружающим лишайникам.

Они сорвались на шаркающую, дёрганую рысцу. Лида на ярды отставала от Рика, когда тот достиг грязевой лужи. Вместо того чтобы ничком припасть к влаге, он застыл, а затем голос его сорвался в лепечущее кудахтанье. Он указал на металлический знак, вбитый в водянистую грязь. На его поверхности рельефно выступала «Мёртвая Голова» — межпланетный символ СМЕРТИ, врезанный в стойкий ко времени металл.

Затем рука, точно рок, двинулась к скелету, лежащему на краю скважины, касаясь головой красной грязи.

Полностью игнорируя Лиду, голос Рика сорвался в чудовищный речитатив дикого смеха; и слово «Яд» бесконечно срывалось с его губ.

Рик резко оборвал себя и повернулся к пустыне. Мучительные морщины на лице разгладились, и старая сардоническая усмешка змейёй скользнула по щеке. Только глаза безумно блестя. С чудовищным усилием он громко произнёс:

— Вода! Там. До неё рукой подать.

И он, шатаясь, пошёл в пустыню, жадно вытянув руки, бесцельно трепеща пальцами.

Лида смотрела, как он уходит. Смотрела, как он гонится за миражом в марсианские пустоши, что тянулись на сотни миль без малейшего следа воды. Смотрела, как он, шатаясь, уходит в небытие, становясь песчинкой вдали.

Опустившись на колени, она разгребла грязь в источнике, сделав маленькое корытце, куда могла сочиться красная вода. Затем передвинула регулятор на головном пузыре, пока не стала дышать почти чистым кислородом. Терпеливо вдыхала смесь. Через пятнадцать минут сняла головной пузырь и припала губами к скопившейся воде. Насыщенное кислородом тело легко смогло пробыть полных десять или более минут без вдоха.

Дважды она откидывалась назад и ждала, пока вода наберётся вновь. Затем пила. Наконец, удовлетворённая, снова закрепила головной пузырь на фланце комбинезона.

Поднявшись, она вырвала смертельный знак из грязи и отнесла к скелету. Там осторожно опустилась на песок и нежно положила руку на череп.

— Мы сделали это, Терри, — тихо сказала она. Голос полон триумфом; внутри вновь поселилось чувство покоя и цельности. — Глупцы думали, что одолеют нас. Четыре дня на лёгкий пятичасовой переход. Всё кругом, и кругом, и кругом. Ожидание. Ожидание, планирование, умерщвление. Теперь они мертвы, и я могу достойно похоронить тебя.

Прости меня, любимый, что перенесла тебя сюда первой ночью. Но мне нужен был знак и ты, чтобы поквитаться. Спасибо за помощь.

Death Walks on Mars, 1958

Содержание

День Отправки	3
Экзамен.....	6
Неприятности близ Солнца	10
Смерть бредёт по Марсу	26